

ПРОБУЖДЕНИЕ

ПРОЗА МАРГАРЕТ

Э·Т·В·У·Д

ОНА ЖЕ ГРЕЙС

СЛЕПОЙ УБИЙЦА

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА
В ЭПОХУ ДИНОЗАВРОВ

ВЕДЬМИНО ОТРОДЬЕ

ПОЖИРАТЕЛЬНИЦА ГРЕХОВ

КАМЕННАЯ ПОДСТИЛКА

ОРИКС И КОРОСТЕЛЬ

цикл «Орикс и Коростель»

ГОД ПОТОПА

цикл «Орикс и Коростель»

БЕЗЗУМНЫЙ АДДАМ

цикл «Орикс и Коростель»

РАССКАЗ СЛУЖАНКИ

ЗАВЕТЫ

МАРГАРЕТ

Э·Т·В·У·Д

ПРОБУЖДЕНИЕ

Москва
2020

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
Э89

Ранее роман выходил под названием «Постижение»

Margaret Atwood

SURFACING

Copyright © O.W. Toad Ltd. 1972

Перевод с английского *Дмитрия Шепелева*

Художественное оформление *Елены Куликовой*

Этвуд, Маргарет.

Э89 Пробуждение / Маргарет Этвуд ; [перевод с английского Д. Шепелева]. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-108422-6

Группа друзей едет в дремучую канадскую глубинку, в хижину на озере, где раньше жили родители безымянной главной героини. Не так давно пропал ее отец, много лет живший здесь отшельником, и она должна вернуться в прошлое, чтобы разгадать тайну его таинственного исчезновения. Женщина баюкает в себе забытую травму, которая то и дело всплывает на поверхность. День за днем она все глубже погружается в воспоминания о детстве в этом месте. Она буквально сливается с природой и отгораживается от мельтешащих, бессмысленно жестоких людей, которые постепенно начинают походить в ее воображении на пластмассовых манекенов, на андроидов. За отчуждением следует подступающее безумие... Но, быть может, только через безумие и возможно пробудиться, чтобы начать настоящую жизнь.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Шепелев Д., перевод на русский язык,
2020

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-108422-6

Часть первая

Глава первая

Не верится, что я снова на этой петляющей вдоль озера дороге, где умирают белые березы, — болезнь распространяется с юга. И я отмечаю, что появился прокат гидропланов. Но это все еще на подходе к городу; мы не стали ехать через него, он достаточно разросся, чтобы сделали обводную дорогу — это прогресс.

Я никогда не считала это поселение городом; скорее, последним или первым сторожевым постом — смотря в какую сторону ехать, — скоплением хибар и ларьков с единственной главной улицей, с одним кинотеатром «...итц ...оял» (красная «Р» перегорела) и двумя ресторанами, в которых подавали одинаковые серые биточки в подливе, похожей на грязь, консервированные бобы, водянистые и бледные, как рыбы глаза, и картошку фри, залитую свиным жиром. «Закажи яйцо пашот, — говорила мама, — и по краям будет видно, насколько оно свежее».

В одном из этих ресторанов, еще до моего рождения, мой брат забрался под стол и гладил руками ноги официантки, когда она приносила еду; это было во время войны, и официантка бы-

ла в блестящих оранжевых чулках из вискозы, таких брат прежде никогда не видел, поскольку мама ничего подобного не носила. Потом как-то раз мы с ним бежали босиком по снегу через тротуар, потому что у нас не было ботинок — все сносили за лето. В машине мы уселись, завернув ноги в покрывало, и притворились, будто мы раненые. Брат сказал, что немцы отстрелили нам ноги.

Но теперь я в другой машине, Дэвида и Анны; сплошной хром и острые плавники, несуразный монстр из прошлого десятилетия. Чтобы включить свет, нужно засунуть руку под приборную панель. Дэвид говорит, новая машина им не по карману, но я ему не очень верю. Он хороший водитель, я это понимаю, но все равно свободную руку держу поближе к дверце, чтобы быть готовой в случае чего быстро выскочить. Я и раньше ездила с ними в этой машине, но на этой дороге что-то как будто не так — то ли они трое не в своей тарелке, то ли я.

Я на заднем сиденье, с рюкзаками; а этот, Джо, сидит рядом, жует жвачку и держит меня за руку — и то, и другое от скуки. Я изучаю его руку: широкая ладонь, короткие пальцы, сжимаются и разжимаются, играя с моим золотым кольцом, крутя его — такая у него привычка. У него крестьянские руки, у меня крестьянские ноги, точнее, ступни, как нам сказала Анна. Сейчас все понемногу шамают — Анна гадает по руке на вечеринках, говорит, это заменяет разговор. Осмотрев мою руку,

она сказала: «У тебя есть близняшка»? Я сказала: «Нет». «Это точно? — спросила она. — Потому что некоторые линии у тебя дwoятся». Ее указательный палец скользил по моей ладони: «У тебя было хорошее детство, но потом тут такой занятный излом». Она наморщила лоб, и я сказала, что просто хочу знать, сколько проживу, остальное можно пропустить. Тогда-то она и сказала нам, что у Джо руки надежные, но не чуткие, и я рассмeялась, поскольку это было не так.

В профиль он напоминает быка с американского пятицентовика — такой же лохматый и крутолобый, глаза прищурены, а взгляд задиристый, но ничего не выражающий, как у представителя какого-то вида животных, прежде бывшего хозяином природы, а теперь близкого к вымиранию. Он и сам считает себя таким: несправедливо поверженным. Втайне ему хочется, чтобы для него устроили что-то вроде заповедника, как для редкой птицы. Прекрасный Джо.

Он замечает, что я смотрю на него, и выпускает мою руку. Потом вынимает изо рта жвачку, заворачивает в фольгу, засовывает в пепельницу и складывает руки. Это значит, мне нельзя рассматривать его; и я устремляю взгляд вперед.

Первые несколько часов мы ехали по пологим холмам, встречая тут и там коров, лиственные деревья и остовы мертвых вязов, которые сменились хвойными деревьями и выбоинами от взрывов в розовом и сером граните и еще хлипкими тури-

стскими хижинами и указателями «ВОРОТА НА СЕВЕР» — как минимум четыре городка претендуют на это звание. «Будущее на севере» — когда-то был такой политический лозунг; когда отец его услышал, он сказал, что на севере нет ничего, кроме прошлого, да и того немного. Где бы он ни был сейчас, живой или мертвый — этого никто не знает, — он больше не сочиняет эпитаграммы. Родители не должны стареть. Я завидую тем, кто потерял отца и мать в юном возрасте, — так их легче помнить, они уже не изменятся. Мои-то уж точно — я могла надолго уходить и возвращаться, и все оставалось по-прежнему. Для меня они жили в каком-то другом времени и занимались своими делами, надежно отгороженные стеной, прозрачной как желе, — мамонты, вмерзшие в ледник. Все, что мне было нужно, это вернуться, когда буду готова, но я продолжала откладывать встречу — слишком многое пришлось бы объяснять.

Теперь мы проезжали поворот к карьере, выкопанному американцами. Отсюда поросший елью холм кажется совершенно обычным, но его выдают толстые силовые кабели, уходящие в лес. Я слышала, они уехали — может, это была уловка, и они вполне могли по-прежнему жить там: генералы в бетонных бункерах и рядовые солдаты в подземных казармах, где постоянно горит свет. Проверить невозможно, поскольку нам туда вход закрыт. Их пригласил остаться город, ведь они помогли его процветанию — они много пили.

— Вот где ракеты, — говорю я.

Вот где *были* ракеты. Но я сказала, как сказала.

— Чертовы фашистские свиньи эти янки, — говорит Дэвид в своей всегдашней манере.

Анна ничего не говорит. Ее голова покоится на спинке сиденья, концы светлых волос треплет ветер из бокового окошка, которое толком не закрывается. До этого она поочередно пела «Дом восходящего солнца» и «Лили Марлен», пытаясь придать голосу глубокое, горловое звучание; но выходило у нее как у осипшего ребенка. Дэвид включил радио, однако ничего не мог поймать — мы были между станциями. Когда Анна запела «Сент-Луис блюз», Дэвид стал насвистывать, и она замолчала. Она моя лучшая подруга; я знаю ее два месяца.

Я наклоняюсь вперед и говорю Дэвиду:

— Бутылочный дом за следующим поворотом, потом налево.

Он кивает и сбавляет скорость. Я уже рассказывала им об этом доме — подумала, такой объект им будет интересен. Они снимают кино, Джо занимается с камерой, хотя у него совершенно нет опыта, но Дэвид говорит, что они люди нового Возрождения — сами учатся всему, что им нужно. В основном это была идея Дэвида — он называет себя режиссером: они уже придумали титры. Он хочет снимать то, что им попадется в дороге, случайные сцены, как он говорит, и таким же будет название фильма: «Случайные сце-

ны». Когда они истратят всю пленку (всю, что смогли купить; камеру они взяли в прокате), то собираются просмотреть отснятый материал и перемонтировать его.

— Как вы поймете, что оставлять, если еще не знаете, о чем будет фильм? — спросила я Дэвида, когда он рассказал мне об этом.

Он смерил меня взглядом внимай-мастеру-профан.

— Если сразу закроешь разум, ты все запорешь. Что тебе нужно — так это войти в поток.

Анна, которая стояла у плиты, насыпая кофе, сказала, что все, кого она знает, снимают кино, а Дэвид возразил, что это, мать твою, не причина не снимать самому.

— Ты прав, — сказала Анна. — Извини.

Но за глаза она смеется над этой его затеей и называет фильм «Случайные хрены».

Бутылочный дом построен из пластиковых бутылок, сцементированных вместе, донышками наружу, причем зеленые и коричневые образуют ромбовидные узоры, наподобие тех, что нам показывают в школе, когда учат рисовать вигвамы; вокруг дома стена, тоже из бутылок, из коричневых сложены буквы, составляющие надпись: «БУТЫЛОЧНАЯ ВИЛЛА».

— Четко, — говорит Дэвид.

И они вылезают из машины с камерой. Мы с Анной выбираемся за ними; мы разминаем затекшие руки, и Анна достает сигарету. На ней

лиловая туника и белые клеши, уже испачканные машинным маслом. Я советовала ей надеть джинсы или что-то вроде, но она сказала, они ее полнят.

— Кто это сделал, господи боже, — говорит она, — подумать только.

Но я ничего не знаю об этом доме, кроме того, что он стоит тут целую вечность, и болото с переплетенными черными елями вокруг только добавляет загадочности этому нелепому монументу во славу какого-то чудного изгнанника или, возможно, добровольного отшельника, вроде моего отца, выбравшего болото потому, что больше нигде нельзя было воплотить мечту его жизни — жить в доме из бутылок. Внутри стены что-то вроде лужайки, окаймленной пучками оранжевых ноготков.

— Класс, — восхищается Дэвид. — Правда четко.

Он обнимает одной рукой Анну и быстро прижимает к себе, показывая, как он рад, словно она имеет какое-то отношение к созданию Бутылочнойвиллы. Мы снова садимся в машину.

Я смотрю в боковые окошки как в телевизоры. Ничего не помню до того момента, как мы подъезжаем к границе, отмеченной указателем с надписью: «BIENVENUE»¹ — с одной стороны и «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ» — с другой. Указатель

¹ Добро пожаловать (фр.) — Здесь и далее прим. пер.

с дырками от пуль, покрасневшими от ржавчины по краям. Как всегда, охотники по осени используют его вместо мишени; сколько бы раз его ни меняли и ни перекрашивали, дырки от пуль появляются снова, словно их создает не внешнее воздействие, а какая-то внутренняя сила или инфекция, вроде плесени или фурункулов. Джо хочет заснять указатель, но Дэвид против:

— Не-е, чего ради?

Теперь мы на моей родной земле, на чужой территории. Мое горло сжимается — такой рефлекс у меня возник, когда я поняла, что люди могут произносить ничего не значащие слова, входящие в мои уши. Проще быть глухой и тупой. Глухонемым суют карточки с ручной азбукой, когда хотят спросить мелочь. Но глухонемой в любом случае должен знать буквы.

Первый запах — это лесопилка, древесная пыль, целые курганы во дворе, где лежат стопки деревянных плит. Мягкая древесина идет на бумажную фабрику, а бревна побольше сплавляют по реке, цепями связывая их кольцом так, что свободные подталкивают друг друга внутрь; их доставляют на лесопилки по желобу, грохочущему над дорогой, — здесь все как раньше. Машина проезжает под желобом, и мы оказываемся, одолев крутой поворот, в фабричном городишке, размеченном аккуратными цветочными клумбами, а в центре фонтан восемнадцатого века с каменными дельфинами и херувимом, у которого

нет части лица. Выглядит как имитация, но может быть и подлинником.

— Ого! — восклицает Анна. — Какой фонтанище.

— Это все фабрика построила, — говорю я.

— Проклятые ублюдки-капиталисты, — бросает Дэвид и снова принимается насвистывать.

Я говорю ему повернуть направо, и он поворачивает. Здесь должна быть дорога, но вместо нее перед нами побитый дорожный знак с шашками — ремонтные работы.

— Ну, что теперь? — спрашивает Дэвид.

Мы не взяли карту, поскольку я была уверена, что она нам не понадобится.

— Придется мне спросить, — говорю я.

Он выезжает задним ходом на главную улицу, и мы едем до лавки с журналами и сладостями на углу.

— Должно быть, вы про старую дорогу говорите, — произносит продавщица с едва уловимым акцентом. — Она закрыта уже много лет. Что вам нужно — так это новая дорога.

Я покупаю четыре рожка ванильного мороженого, потому что спрашивать, ничего не покупая, не полагается. Продавщица берет металлический совочек и сует руку в картонную бочку. Раньше мороженое привозили в больших брикетах, бумагу с них снимали как кору, выдавливая брусочки мороженого в рожки большим пальцем. Должно быть, такой способ устарел.

Я возвращаюсь в машину и объясняю Дэвиду, как ехать. Джо говорит, что ему больше нравится шоколадное.

Ничто не остается таким, как раньше, я уже не узнаю дорогу. Я облизываю мороженое по кругу, пытаюсь больше ни о чем не думать, и отмечаю, что теперь в него добавляют морские водоросли, но я начинаю дрожать, видя, как изменилась дорога, — он не должен был позволять им такое — мне хочется развернуться и уехать назад в город, чтобы никогда не знать, что с ним случилось. Я расплачусь, это будет ужасно, никто не будет знать, что делать, даже я сама. Я вгрызаюсь в рожок и с минуту ничего не чувствую, кроме острой как нож боли сбоку лица.

Анестезия — это такой способ: если тебе больно, придумай другую боль. Я в порядке.

Дэвид доедает свой рожок, выбрасывает в окно кончик, пахнувший картоном, и заводит машину. Мы едем через тот район городка, который возник уже после того, как я здесь была, мимо новеньких угловатых домов с верандами, как в большом городе, если не замечать розово-голубой, как ползунки младенцев, отделки, и нескольких длинных хибар дальше по дороге, с рубероидом и голыми досками на крышах. Кучка детей играет в жидкой грязи на месте газонов; почти на всех не по размеру большая одежда, отчего сами они кажутся маломерками.

— Они тут, наверно, все время трахаются, — говорит Анна. — Думаю, это церковь. — А потом вдруг добавляет: — Я ужасна, да?

— Истинный север, — бросает Дэвид, — могуч и свободен.

За домами двое темнолицых ребят постарше протягивают в нашу сторону консервные банки. Возможно, продают малину.

Мы доезжаем до бензозаправки, где продавщица сказала повернуть налево, и Дэвид радостно восклицает:

— О боже, смотрите!

И все высыпают из машины, как будто эта диковина исчезнет, если не поторопиться. Диковина — это три чучела лосей на площадке рядом с бензоколонками. На лосях одежда, как у людей, и они стоят на задних лапах: папа-лось в полушинели и с трубкой во рту, мама-лосиха в ситцевом платье и шляпке с цветами и мальчик-лось в шортиках, полосатой футболке и бейсболке, машет американским флагом.

Мы с Анной идем за ребятами. Я спрашиваю у Дэвида:

— А бензин тебе совсем не нужен?

Нехорошо просто глазеть на лосей и ничего не покупать — они здесь, как и туалетные кабинки, для привлечения клиентов.

— О, смотрите, — говорит Анна, поднося руку ко рту, — там еще одна, на крыше.